

Николай Николаевич Страхов – эволюционист и философ

Дарвинизм, по моему убеждению, есть заблуждение, которое можно поставить в один ряд со *спиритизмом*...

Эмпиризм, отрицание умозрения – вот разгадка всяких остановок и ненормальных развитий. Наш век хочет познать, но упорно отказывается мыслить...

Но я желаю стоять за одно <...> за философский метод *ставить и развивать понятия*.

Н.Н. Страхов, 1892 г.

Терпите, уясняйте свое сознание, научайтесь новым мыслям и будьте уверены, что Бог всегда с Вами.

Н.Н. Страхов, 1890 г.

В настоящем томе мы продолжаем знакомить читателей с критикой дарвинизма и недарвиновскими концепциями эволюции, развивавшимися во второй половине XIX столетия на российской почве. «Дарвинизм» Н.Я. Данилевского, представленный в 12-м томе нашего журнала, получил известность благодаря самоотверженной преданности его памяти еще одного выдающегося представителя русской мысли – Николая Николаевича Страхова (1828–1896).

Имя Страхова, в интеллигентских кругах изрядно подзабытое, сегодня вспоминают в основном благодаря многочисленным переизданиям, особенно в советское время, обширного труда его ученого оппонента – проф. К.А. Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение»¹. Свои наделавшие шума полемические статьи против Н.Н. Страхова Климентий Аркадьевич поместил в виде приложения к нему.

В действительности же значение работ Страхова выходит далеко за рамки этой полемики, закончившейся «пирровой победой», а на самом деле – фактическим поражением красноречивого К.А. Тимирязева².

Творчество Страхова поистине многогранно. После его кончины составители некрологов были в затруднении, как представить покойного. По мнению В.В. Розанова (1856–1919) – в наши дни широко известного русского философа, литературного критика и публициста, называвшего Страхова своим «крестным отцом» в литературе, Николай Николаевич совместил в своем «Я» философа-аналитика, биолога, литературного критика и публициста³.

Известный публицист Ю. Николаев⁴ назвал Страхова «выдающимся русским философом публицистом», сделавшим чрезвычайно много и как ученый, и как философ, и как литературный критик⁵.

В том же духе высказались и большинство других авторов. И все же, как видно из биографии Страхова, многоплановость его творчества сказанным не ограничивалась.

Сам себя, однако, Страхов считал не философом, ученым или публицистом, а деятелем *умственного воспитания читателей*. Учитель, гимназический преподаватель, просветитель народа и борец с невежеством даже образованных слоев общества никогда не умирал в нем. В.В. Розанову, который опубликовал хвалебную статью о нем, Страхов ответил: «Ваше определение, что я деятель *умственного воспитания читателей*, – это определение я сам себе давал, когда думал вообще

¹ Одно из лучших в отечественной литературе изложений классического дарвинизма.

² О чем не любят вспоминать отечественные дарвинисты.

³ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. – М.: Аграф, 2000. – С. 7. (Далее – Литературные изгнанники.)

⁴ Литературный псевдоним известного публициста и литератора Ю.Н. Говорухи-Отрока.

⁵ Литературные изгнанники. – С. 262, 263.

Н.Н. Страхов, 1888 г.

о своих писаниях»⁶. Хотя и признавал, что философия с детства составляла главный интерес его ума⁷.

Формальная биография Страхова, написанная Б. Никольским⁸, впоследствии не раз переиздававшаяся, отличается краткостью.

Он родился 16 октября 1821 года в Белгороде Курской губернии, в семье протоиерея и преподавателя словесности Н.П. Страхова⁹. Учился сначала в Белгородском и Каменец-Подольском духовных училищах, а затем – в Костромской семинарии, ректором которой был его дядя, закончив курс по философскому отделению. Не желая идти дальше по духовной стезе, молодой Страхов самостоятельно подготовился к экзамену в Императорский Санкт-Петербургский университет, успешно сдал его и в 1844 году переехал в Петербург, где вначале поступил вольнослушателем на камеральный, а с 1845 года – студентом на математический факультет. Деньги, чтобы платить за обучение в университете, скоро закончились, и в 1847 году Страхов вынужден был перейти учиться за казенный счет в Главный педагогический институт, который закончил в 1851 году по физико-математическому отделению и получил назначение во Вторую Одесскую гимназию учителем физики и математики.

В Одессе он пробыл недолго, получив перевод в столицу на место учителя естественной истории во 2-й Петербургской гимназии. Как уже говорилось, преданность педагогике и делу народного просвещения Страхов сохранял всю свою жизнь.

Ученый тоже не умирал в нем. В 1857 году Страхов защитил магистерскую диссертацию «О костях запястья млекопитающих».

Четыре года спустя Страхов вышел в отставку, решив посвятить себя целиком литературной, точнее, журнальной и редакторской деятельности. Вначале он стал постоянным сотрудником петербургских журналов «Время» и «Эпоха», затем – редактором «Отечественных записок» и «Зари», помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». На их страницах Страхов вел активную полемику с нигилистами и либералами. Получил известность как литературный критик, опубликовав статьи о творчестве Л.Н. Толстого, И.В. Тургенева, А.И. Герцена и других видных деятелей русской культуры. Параллельно занимался переводческой деятельностью в основном с немецкого и французского языков.

⁶ Письмо к В.В. Розанову от 13 сентября 1890 г. (Литературные изгнанники. – С. 161).

⁷ Письмо к Л.Н. Толстому от 4 декабря 1872 г. (Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894. С предисловием и примечаниями Б.А. Модзалевского. – СПб: Издание общества Толстовского Музея, 1914. – С. 20).

⁸ Газета «Новое Время», 25 января 1896 г., № 7151.

⁹ Н.Н. Страхов потерял отца в возрасте 9 лет, а затем, до поступления в университет, жил у своего дяди.

В 1873 году Страхов вернулся на службу, поступив на должность библиотекаря юридического отделения Императорской Публичной библиотеки, а с 1874 года был включен в состав Ученого комитета Министерства народного просвещения. Окончательно он вышел в отставку в 1885 году в чине действительного статского советника.

В 1889 году Страхов был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Основными трудами Страхова является натурфилософский трактат «Мир как целое. Черты из науки о природе» (1872), авторский сборник статей «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882–1883) и книга «Критические статьи о Тургеневе и Толстом» (1885).

* * *

Говоря о Страхове, нельзя не остановиться подробнее на его колоритной личности, без чего многое в его трудах останется непонятым.

По воспоминаниям известного публициста, младшего современника Страхова Ю.Н. Говорухи-Отрока (1850–1896), «как человек, Николай Николаевич был чрезвычайно симпатичен – мягкий, в высшей степени деликатный, готовый на всякую услугу, готовый помочь всякому и советом и делом. Но его мягкость и деликатность не мешали ему быть в высшей степени правдивым. Я никогда не забуду его в высшей степени верных и метких отзывов об иных литераторах и ученых. От тех и других он требовал прежде всего ясности мысли, точности выражений, и его нельзя было подкупить никакою фразеологией. Он был *истинный литератор* в самом высоком значении этого слова. Литература была для него целью сама по себе, и он, всегда мягкий, очень раздражался, видя как у нас литературу, искусство, превращают в средство для достижения посторонних литературе и искусству целей. Он любил литературу, можно сказать, нежною любовью и тщательно следил за ее развитием. Всякое проявление дарования, серьезная и искренняя мысль – приводили его в восторг. Он верил в литературу, верил, что победит в конце концов здоровая мысль, здоровое чувство; и потому ценил самое дело, не придавая никакого значения тому, что называют успехом»¹⁰.

Характеристика эта, уже не раз воспроизводившаяся в работах о творчестве Страхова¹¹, во многом точна, но, как мы увидим далее, далеко не полна, а в некоторых пунктах верна лишь отчасти. Из опубликованных источников больше всего о личности Страхова можно почерпнуть, не считая архивов, из двух книг, в основе которых лежит его личная переписка: с В.В. Розановым¹² и Л.Н. Толстым¹³. Особенно важна последняя, которая носит местами почти исповедальный характер. Обе книги не были доступны Говорухе-Отроку.

В молодости живой, веселый, остроумный, склонный к шутке Страхов пережил около 1863 года духовный кризис, после которого, по собственному признанию, стал молчалив и серьезен¹⁴. Но при этом, по свидетельству В.В. Розанова, остался «гениально остроумен»¹⁵, мог быть убийственно

В.В. Розанов, 1885 г.

¹⁰ Литературные изгнанники. – С. 263.

¹¹ См., напр.: *Авдеева Л.Р.* Русские мыслители: А. А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 198 с.

¹² Литературные изгнанники.

¹³ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894. С предисловием и примечаниями Б.А. Модзалевского. – СПб: Издание общества Толстовского Музея, 1914. – 478 с. (Толстовский Музей. Т. II). (Далее – Переписка Страхова с Толстым.)

¹⁴ Письмо к В.В. Розанову от 6 июня 1890 г. (Литературные изгнанники. – С. 151).

¹⁵ Литературные изгнанники. – С. 198.

саркастичен и без смущения называл вещи своими именами. Литературный язык Страхова – сочный, образный, эмоционально окрашенный и в то же время строгий и логически выверенный – усиливал это впечатление. «Вот он обольстил Вас своим умом и своею эстетичностью; между тем это одно из отвратительных явлений. Религия, искусство, наука, патриотизм, – самые высокие предметы подчиняются самым низменным стремлениям, развратной жажде наслаждения и услаждения себя. Это получает особый оттенок; <...> в искусстве – услаждение всякою пакостью, мужеложеством, роскошью, всякою внешнею красотою...» (о К.Н. Леонтьеве). «Эти сгнившие сифилитики приходят в ужас от человека, у которого иногда на полчаса высыпает крапивная лихорадка» (о критиках Л.Н. Толстого)¹⁶.

Будучи по жизни своего рода самодеятельным аскетом православного замеса¹⁷, своих учеников Страхов, ссылаясь на авторитет Сенеки и Марка Аврелия, наставлял скорее в стоическом духе: учил отрешенно переносить удары судьбы, не роптать на беды и испытания. Не в беде главное, – говорил он, – а хуже беды – наши мысли. Призывал учиться мужеству и твердой уверенности в себе, если не тверда вера в Бога. Жить тихо, размеренно, избегать внимания зевак и глупцов. Поступать не только по закону, но, прежде всего по правде, по заветам предков, по существу дела. Учил не жаловаться, не досадовать и не завидовать. Всегда быть готовым к невзгодам и волнениям (жди испытаний до конца, как говорил о том же великий И.В. Гёте). Не мстить, прощать обидчика, сознавая, что прощение имеет полный смысл только тогда, когда есть возможность и не простить¹⁸.

Стремление к точности и совершенству в мысли и слове приводило к тому, что писал Страхов медленно и тяжело, во всяком случае медленнее, чем ему бы хотелось. Писал, по его признанию, в состоянии внутреннего возбуждения, сильно его утомлявшего. Нередко его охватывало, как он говорил, «неписательское настроение». «Вы правы, – делился он с В.В. Розановым, – что я везде только расчищал дорогу, а потом почти вовсе не шел по ней. Ну что ж? Скажите мне спасибо и ступайте сами.

А знаете, что меня останавливало? Те высокие требования, которыми я всегда задавался. Поэтому я ограничивался маленькою задачею, где мог быть ясен и точен. Не поверите как мне трудно писать *О времени*¹⁹ и пр. <...> Каждый шаг в ней я обдумываю со всех сторон, и потому движусь медленно. Но главное – я не могу иначе, я не могу писать, пока не вижу, что ни по бокам, ни сзади ничего нет, что угрожало бы опасностью»²⁰.

Глубокий интроверт, тесно общавшийся с довольно узким кругом людей, из которых одни, как В.В. Розанов, были его подопечными, а другие друзьями²¹, авторитетами и конфидентами, подобно Л.Н. Толстому, Страхов остро переживал отсутствие заслуженного литературного признания («литературное изгнание»), по выражению В.В. Розанова). Ему не был нужен успех у толпы, которую он презирал, – нужна была моральная поддержка лучших умов своего народа. Этим переживаниям немало способствовали слабое телосложение, одиночество и присущая Страхову (вполне заслуженно) высокая самооценка. Свою отравляющую лепту вносил в этот пасьянс полемика с оппонентами, популярными, подчас незаслуженно, у образованной публики. С годами эти переживания Страхова приняли характер грусти и меланхолии²². Он остро нуждался в сочувственном понимании, словах похвалы и признательности. «До похвал я, признаюсь, жаден, – писал он в одном из писем, –

¹⁶ Письмо к В.В. Розанову от 22 апреля 1892 г. (Литературные изгнанники. – С. 209–211).

¹⁷ «Попович» по происхождению, выпускник духовного училища, вышедший из духовного звания, Страхов всю жизнь оставался в лоне Русской Православной Церкви, принимал участие во всех ее обрядах и таинствах, но, подобно Л.Н. Толстому, в зрелые годы далеко отошел от нее, превратившись в пантеиста и мистика. Он учил о духовном единстве мировых религий, живо интересовался буддизмом и другими восточными культурами. В его рабочем кабинете, по свидетельству В.В. Розанова, стояла статуэтка Будды. Страхов принял участие в известной дискуссии о спиритизме, противопоставляя подлинную глубокую мистику самодеятельным занятиям оккультизмом.

¹⁸ Письмо к В.В. Розанову. Точно не датировано. Ориентировочно 1891 г. (Литературные изгнанники. – С. 181–185).

¹⁹ Речь идет о статье Н.Н. Страхова «О времени, числе и пространстве».

²⁰ Литературные изгнанники. – С. 149, 150.

²¹ В Санкт-Петербурге вокруг Страхова образовался «свой кружок», «свои люди», в число которых входили Л.Н. Майков (брат известного поэта) и заместитель министра народного просвещения А.И. Георгиевский.

²² Сам Страхов утешал себя и других стихами И.В. Гёте: «Печаль подобна воде: она тянет в себя, но в ней же мы видим отражение вечных звезд» (пер. с нем. принадлежит, по всей видимости, самому Страхову). Из письма к В.В. Розанову, 1889 г. (Литературные изгнанники. – С. 125).

потому что часто унываю в своем одиночестве, и похвалы дают мне знать, что я пишу не в пустом пространстве»²³.

«Вы знаете, меня выбрала Академия Наук членом-корреспондентом. Вот награда, которая была мне очень приятна. Мне приятно и то, что тогда как меня мало знают, а Грот всем известен, этот самый Грот с большим почтением признает мои труды. Он очень милый и, в сущности, скромный человек. А я гордец: у меня большое честолюбие, – мне хочется что-нибудь значить для **лучших умов** своего народа. Гёте говорил, что это должно быть настоящей целью писателя. Если даст Бог прожить деятельно еще несколько лет, я таки добьюсь кое-чего»²⁴.

Трудности возникали у Страхова даже в личном общении с друзьями и почитателями. «Для всяких предумышленных бесед, – писал он, – я гожусь меньше всякого другого. Они редко удаются мне даже с самыми хорошими друзьями. Мне нужно обдумать вопрос, прежде чем отвечать на него»²⁵.

При этом Страхов, человек замечательно наблюдательный и утонченный, сохранял немалую долю иронии и самоиронии. Б. Никольский вспоминал, как однажды, обращаясь к горячо спорившим с ним по поводу его работ молодым людям, Страхов воскликнул: «Как это, однако же, приятно, господа, – увидеть, наконец, своих читателей!»²⁶.

Замечательными чертами характера Страхова были интеллектуальная честность и щепетильность. В отличие от большинства своих оппонентов – нигилистов, релятивистов и либералов всех мастей, он свято верил в то, что говорил, и не отделял себя от своих убеждений, а убеждения – от правды и истины, как он их понимал. Нравственные позиции типа «двух станов не боец, а только гость случайный» были ему органически чужды. Высказанные ему сомнения в том, что сам он верит в то, что говорит, воспринимались им как оскорбление.

При этом Страхов был снисходителен к людским недостаткам, считая, что люди лучше своих дел и убеждений. И только поэтому со многими из них можно иметь дело. Таково было его отношение к своему приятелю – известному поэту А.А. Фету. Страхов восхищался его талантом, но при этом находил нравственным уродом.

До конца своих дней Н.Н. Страхов жил на ограниченные средства, снимал жилье и зарабатывал литературным трудом и государственной службой. По свидетельству В.В. Розанова, Ученый комитет Министерства народного просвещения платил Страхову 100 руб. в месяц²⁷ с обязательством давать рецензии на учебники. «Страхов, – пишет он, – жил “чуть-чуть”, очень нуждаясь. Когда ему пришла “звезда” (через Георгиевского была прислана на дом в ночь на новый год, когда я сидел у него), он измученно спросил: “Из чего я буду платить?!” (около 60 руб. “за орден”)²⁸.

Впрочем, эти финансовые ограничения носили добровольный характер и были частью Страховской личной аскетике.

«Деньги, – считал он, – величайшее зло потому, что кто не умеет их держать в руках, тому они вечно бывают нужны, тот осужден на то, что их никогда у него хватать не будет, и он постоянно будет мучиться мыслями об их добывании. <...> Прежде, когда я жил исключительно литературой, я зарабатывал до 2000 и более, но я их зарабатывал преимущественно переводами, больше всего с немецкого²⁹. Вообще же я всю жизнь прожил на очень малые деньги. <...> Умственный труд не такое дело, чтобы можно было точно перекладывать его на деньги»³⁰.

При этом, когда в руках Н.Н. Страхова оказывались приличные денежные суммы, он щедро снабжал из них нуждавшихся друзей и, будучи страстным библиофилом, покупал книги, в том

²³ Письмо В.В. Розанову от 13 августа 1889 г. (Литературные изгнанники. – С. 130).

²⁴ Письмо В.В. Розанову от 5 января 1890 г. (Литературные изгнанники. – С. 141, 142).

²⁵ Письмо В.В. Розанову от 27 января 1888 г. (Литературные изгнанники. – С. 86).

²⁶ Литературные изгнанники. – С. 262.

²⁷ Средняя зарплата помощника столоначальника в канцеляриях того времени. При этом рутинная работа в Министерстве временами буквально душила Страхова. По оценке В.В. Розанова, «истинная роль Страхова, этого великолепного *методиста, методолога*, есть и была организация наукознания в университетах и духовных академиях; он был врожденным “Председателем Ученого комитета”» (Литературные изгнанники. – С. 111, 112).

²⁸ Литературные изгнанники. – С. 98.

²⁹ Страхов был блестящим переводчиком, прежде всего, философской и биологической литературы. Ему принадлежат не устаревшие до сих пор высококачественные переводы классической четырехтомной «Истории новой философии» и монографии «Франциск Бакон Веруламский и его век» Куно Фишера, не менее известной «Истории материализма» Ф.А. Ланге, трактата «Об уме и познании» И. Тэна, «Жизни птиц» А.Э. Брэма и др.

³⁰ Письмо к В.В. Розанову от 25 октября 1892 г. (Литературные изгнанники. – С. 217, 218).

числе редкие, антикварные и запрещенные цензурой³¹. В том числе, опять же, и для своих друзей³².

Принципиальный борец против материалистов и нигилистов, Страхов вовсе не был при этом политическим и религиозным реакционером. Он был почвенник, реалист. Например, прочитав статью неожиданно охваченного монархическими чувствами В.В. Розанова «О монархии» он оценил ее как «детский лепет», в котором все «незрело, слабо, косо». И обратился к автору с гневной отповедью. «Вы верно поняли, что при истинном христианстве никакая политическая жизнь невозможна, – и не видите, что и монархия равно не основывается на Евангелии, как и республика. Вы порочите древний мир и даже не упоминаете, что же представляет новый мир, что он создал? Роль христианства у Вас только разрушение, и ничего иного, как разрушение. И тогда монархия есть диктатура, есть учреждение высшей и всемогущей безусловной полиции над людьми, над хаосом личностей, – есть наименьшее и неизбежное зло. То, что Вы написали про Грозного, про Николая I и про французских королей – это ужасно, и потому, что косо, и потому, что может быть не понято в духе Вашей мысли, разумеется, милой и хорошей. Нет, не созреть нам в смысле истинных граждан! Идеал наш чересчур высок, и мы будем только плакать о его недостижимости и утешать себя терпением и всякими нежными мечтами и чувствами. Мы слепы, решительно слепы, не можем видеть действительности; мы на века останемся угорелыми, мечущимися куда попало. «“Бородатые дети”, говорят о нас англичане»³³.

Утонченный и чуткий литературный критик, издатель сборника литературно-критических работ А.А. Григорьева, Страхов и сам пробовал свои силы в родной словесности – писал со студенческих лет стихи, повести и даже драмы. Посещал художественные музеи, театры, оперу, с наслаждением слушал классическую музыку. При этом хорошо разбирался в музыкальном творчестве, тонко судил о достоинствах музыкальных произведений. Понимал толк в живописи и даже совершил поездку по Италии – «стране художников». Живо интересовался текущей политикой. Не пропускал и будировавшие общественность события в жизни Санкт-Петербурга, например, присутствовал на суде над Верой Засулич.

Опытный редактор и журналист, Николай Николаевич имел большие, разносторонние связи в литературном мире Москвы и Северной Столицы. Знал, как обойти цензуру. Охотно помогал «выйти в свет» молодым талантам, старался привлечь внимание общественности к незаслуженно забытым или недооцененным старым. Именно Страхов помогал издать первое собрание сочинений Л.Н. Толстого, советовал ему, как обойти цензурные затруднения, возникавшие во время печатания «Анны Карениной». Как отказаться от гонораров за свои издания, полностью сохранив за собой авторские права.

Страхов много читал, хотя время для этого часто приходилось выкраивать. Книги, особенно сложного, философского содержания, перечитывал по несколько раз, стремясь как можно глубже проникнуть в их смысл.

³¹ Домашняя библиотека Страхова впечатляла современников. «Удивительное было количество, красота и смысл книг, – вспоминал В.В. Розанов. – Тут я видел (впервые и единственный раз в жизни) «Principia» Ньютона, в первом и во втором (друга Ньютона) издании; и editionis principes Джордано Бруно. Особенно один шкафчик возле дверей: «первые издания» всех величайших философов мира. Книги занимали *все поле стен* Страховской квартиры (и прихожей), – с выбросом всех, довольно многочисленных и бесплатно им получаемых, журналов (продавал с весу татарам). Все это были *исключительно классики ума человеческого*, – и поэты (но уже с меньшей полнотой и выбором). Из портретов, кроме его собственного (неудачного – работы Репина) – еще помню портрет Ап. Григорьева. Кажется, даже портретов Н.Я. Данилевского и Достоевского не было. Над кроватью его, во второй комнате, было несколько картин, между ними “День и Ночь” Микеланджело. Эта и была над кроватью, прочие – подальше. Никаких кушеток и никакой мягкой мебели у него не было, – кроме кожаного дивана, куда садились пившие чай. Постоянно по средам у него бывали Кусков и Стахеев (сожитель по квартире в давнее время, но без всякой нравственной связи со Страховым), часто – Радлов и Майков (Ан. Н.), реже – В.Г. Васильевский (византист) и проф. Каринский (философ)» (Литературные изгнанники. – С. 221).

³² «Последними двумя посылками книг я сам очень доволен. Лукьянович мне достался за 4 р. – очень дешево. Теперь у Вас есть все главное о войне 1828 г. Ренана, Штрауса и Прудона я купил для Вас в II<убличной> библиотеке, из дублетов, – для чего просил Ив.Дав. Делянова. Взяли как можно дороже: за пять книг 9 р. 20 к. – но это пустяки, так как книги ценные, запрещенные, и добыть их иначе стоило бы большой возни, и втрое больше денег. Я очень доволен своею выдумкою». Письмо к Л.Н. Толстому от 12 декабря 1877 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 135, 136).

³³ Письмо В.В. Розанову от 23 февраля 1891 г. (Литературные изгнанники. – С. 226–228).

Л.Н. Толстой, 1887 г.

Квинтэссенцией многолетних самонаблюдений и самооценки Страхова является его краткая исповедь в одном из писем к Л.Н. Толстому.

«Конечно, главный мой недостаток – отсутствие самостоятельности, а главное несчастье в том, что ища постоянно, чему бы подчиниться, я не умею ничего найти и потому думаю, что нынче нет вовсе на свете таких властей, которые имеют право на подчинение себе душ человеческих. Вы спрашиваете меня: как же я прожил до сих пор? А вот как: я никогда не жил как следует. В эпоху наибольшего развития сил (1857–1867) я – не то что жил, а поддался жизни, подчинился искушениям; но я так измучился, что потом навсегда отказался от жизни. Что же я *делал* собственно, и тогда и потом, и что делаю теперь? То, что делают люди отжившие, старики. Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избежать тех зол, которые со всех сторон окружают человека. И особенно я берегся нравственно – совесть у меня слабая, беспокойная; сделать подлость или несправедливость для меня несносно.

А затем – я служил, работал, писал – все лишь настолько, чтобы не зависеть от других, чтобы не было

стыдно перед товарищами и знакомыми. Во время литераторства я помню, как я сейчас же останавливался, как только видел, что денег наработано довольно. Составить себе положение, имущество – я никогда об этом не заботился.

Так что все время я не жил, а только *принимал* жизнь, как она приходила, старался с наименьшими издержками сил удовлетворить ее требованиям, и сколько можно уйти от ее невзгод и неудобств.

За это, как Вы знаете, я и наказан вполне. У меня нет ни семьи, ни имущества, ни положения, ни кружка – ничего нет, никаких связей, которые бы соединяли меня с жизнью. И сверх того или, пожалуй, вследствие того, я не знаю, что мне думать.

Вот Вам моя исповедь, которую я мог бы сделать несравненно более горькою. Теперь я чувствую себя довольно спокойным и все по-прежнему ищу подчинения: подчиняюсь хорошим чувствам своего сердца, если нахожу их в себе, занимаюсь науками, художественными произведениями»³⁴.

* * *

Несколько слов осталось сказать о смерти Страхова, последовавшей 24 января 1896 года. Умер он, как и жил – *comme un philosophe*, как настоящий философ. Умер тихо, среди своих книг, творческих планов и неоконченных трудов, не стяжав ни славы, ни положения в обществе, ни богатства. Скончался от рака горла, развитию которого способствовала привычка курить за работой. Весной 1895 года Страхов перенес тяжелую, болезненную операцию – медицина и средства анестезии в те годы были весьма несовершенны. За ней последовал недолгий период потери сил и медленного умира-

³⁴ Письмо Л.Н. Толстому от 25 апреля 1878 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 165, 166).

ния. По свидетельству одного из друзей, Страхов терпеливо и кротко переносил страдания. Накануне ухода он почувствовал облегчение и собрался пойти писать, но смерть уже постучалась в его дверь³⁵.

* * *

Обращение Страхова к набирающей популярность теории Ч. Дарвина произошло, в общем-то, случайно. Страхов нуждался в деньгах на прожитие и текущие расходы. «Из нужды стал писать в “Зарю” о коммуне, о Дарвине, писал бы и больше, да приходится чуть не клещами вытягивать гонорарий – мочи нет», – делился он впоследствии с Л.Н. Толстым³⁶.

Высокому интеллектуалу Страхову Дарвин с его, по собственному признанию, «неметафизической головой» не понравился, в его теории естественного отбора он не нашел ничего поучительного и, скорее всего, не стал бы продолжать эту тему. Но тут – судьба! – к нему приехал погостить его приятель Н.Я. Данилевский и неожиданно заявил, что будет писать о Дарвине.

В то время Страхов заканчивал свою книгу «Мир как целое. Черты из науки о природе» (первое издание появилось в том же 1872 году) и читал для нее литературу. «Книга о происхождении вещей приостановилась вот почему; – рассказывал он Толстому в марте 1872 года. – Я все-таки улучил время и стал читать, прочел Дарвина, [Хри] Каспара Вольфа, принялся было за Спенсера и за Бутлерова; да вдруг приехал Данилевский и говорит, что он будет писать о Дарвине. Я ему и решился было уступить и книги свои подарил, да вижу, что он ленивец и что это дело, кажется, все таки придется взять на себя. Теперь я задумал написать пока для “Беседы” общую статью о природе организмов, или в этом роде»³⁷.

Претворять в жизнь заявленное намерение Данилевский не спешил, и через пять лет Страхов уже откровенно досадовал на него. «Н.Я. Данилевский уехал и оставил по себе очень милое, но и досадное впечатление. Я Вам писал о наших беседах; – делился он с Толстым. – Каждую неделю мы шесть часов сряду с глазу на глаз толковали о философии, и он уехал, купивши себе философскую книжку (Фихте младшего *Теизм*) и собираясь читать мой перевод Куно Фишера. Тут я мог вполне измерить и умственные силы и степень серьезности своего приятеля, и, признаюсь, очень разочаровался. Не мало значит, конечно, десять или пятнадцать лет, проведенные в занятиях одним садоводством. Очевидно, его самолюбие было затронуто тем, что оказалась область мысли, ему недоступная; но он самым ребяческим образом упирается и собрался читать философов, чтобы убедиться, что философия – пустяки. При этом он мил, как дитя, но и настолько же серьезен»³⁸.

Н.Я. Данилевский скончался в Тифлисе 7 ноября 1885 года на 68-м году жизни, так и не закончив задуманный труд. Вскоре после его кончины вышли в свет две части первого тома.

Скоропостижная кончина Данилевского произвела на Страхова впечатление столь тяжелое, что заставила его изменить образ жизни.

«Ужасно меня поразила, – писал он Толстому, – смерть Н.Я. Данилевского. Я был тогда слегка болел и с удивительной ясностью почувствовал ничтожество жизни. Если не половина, то треть этой жизни для меня исчезла. Мои привычки, книги, мои планы и надежды – мне опротивели, как чистая глупость; на несколько дней я получил способность плакать и ничем не волноваться. Сошло на меня спокойствие, которое стало, наконец, открывать мне новый, лучший взгляд на вещи. И пожелал я, чтобы оно навсегда у меня осталось, и с горем чувствую, что уходит оно, по мере возвращения здоровья и беспамьятства, в котором мы всегда живем. Могила подходила ко мне близко, была у самых ног; а теперь я опять вижу ее далеко в тумане. Нет, напрасно люди жалуются на горести, когда так легко забывают уроки этих горестей и возвращаются к своим пакостям. <...>

В этот месяц принял я важное решение – подал в отставку из Публичной Библиотеки. Мне хотелось: 1) отказаться от расчетов (каких бы то ни было) на служебную карьеру; 2) уменьшить свои доходы; 3) получить больше свободного времени. Может быть, последняя причина была всего сильнее; мне и на краю могилы все казалось, что моя обязанность – писать, и очень уж мешала служба этому желанию. Но я мирился и с тою мыслью, что ничего больше не напишу. Все-таки лучше

³⁵ Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова. // *Вопр. философии и психологии*. – 1896. – Кн. 22. – С. 300, 301.

³⁶ Письмо Л.Н. Толстому от 10 марта 1872 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 16).

³⁷ Там же. – С. 17.

«Беседа» - журнал, издававшийся в Москве в 1871–1872 годах под редакцией С.А. Юрьева. Указанной Страховым статьи в нем не появлялось.

³⁸ Письмо к Л.Н. Толстому от 21 апреля 1877 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 113).

меньше делать, как советовал какой-то стоик; душа свободнее. От Славянского Комитета и от его журнала я также отказался»³⁹.

В мае 1886 года Страхов поехал в Мшатку (имение Данилевского на Южном берегу Крыма), чтобы разобрать оставшийся после него архив.

«Все время здесь я был за работою, – писал Страхов Толстому. – Я разбирал рукописи, письма, книги Николая Яковлевича. Нужно было определить, что можно напечатать из его неоконченных трудов, а кроме того мне хотелось собрать сведения о его жизни и получить точное понятие о его радостях и горестях, об усилиях и препятствиях в трудах, и пр. Когда я приехал, все лежало на своем месте; Ольга Александровна⁴⁰ до меня не позволяла передвинуть ни одной книги, ни одного листочка бумаги – ей было больно, если кто-нибудь дотрагивался до вещей Н.Я. Казалось, он только уехал из дому и завтра должен вернуться. И на меня нашло то же чувство; по расположению ко мне О.А. уверяла, что ей казалось – сам Н.Я. совершенно доверил бы мне одному это дело; но мне было жутко, да и до сих пор жутко разбирать его бумаги и книги. Утром я работал в его кабинете, подле которого живу <...>, а вечером мы навещали могилу и без конца разговаривали о покойном. Опять – и эти разговоры были первые разговоры О.А. Шесть или семь месяцев она ни с кем не могла говорить об этом и стала говорить со мной, веря, что я любил его не больше, но лучше всех других. Это мне было очень отраднo, что я пригoдилcя к чему-нибудь на свете.

Узнал я много удивительного. Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная. И смерть была прекрасная: думали, что он заснул. А последние слова его были: «Испортят они нашу Гокчу!...» Гокча – озеро⁴¹, в котором он исследовал рыболовство; он по долгому опыту боялся, что правила, которые он составил, будут нарушаться и лов станет уменьшаться. Но самое важное, что я знал, – его настроение перед смертью. Вы были свидетелем припадка, который потом повторялся все чаще и чаще, наконец, в сентябре – почти каждый день. “Как будто грудь разрывается”, говорил он, когда хотел дать понятие о припадках. Боль, вероятно, была большая, хотя он никогда не жаловался и только крупный пот иногда выступал у него на лице. Но в дни припадков часто случалось, что в спокойном состоянии глаза его принимали выражение, которое поражало всех. “Необыкновенная кротость”, говорила О.А.; “ангельское, небесное выражение”, говорила гувернантка, – и они обе не находили слов, чтобы выразить то, что было тогда на лице и в глазах Н.Я. <...> Тайны смерти – чудесные, высокие тайны! <...>

Для печати у Н.Я. осталось мало. Я нашел одну готовую главу для 2-го тома “Дарвинизма” и несколько маленьких отрывков общего философского содержания. Эти отрывки должны были войти в последнюю главу, о которой Н.Я. много думал и говорил, но которой к несчастью не написал. Это было бы нечто вроде “естественного богословия”, но без сомнения очень остроумное, блестящее строгостью и определенностью мысли»⁴².

Между тем, дискуссия о «Дарвинизме» Данилевского приближалась неумолимо. Спровоцировал ее сам Страхов, сначала опубликовавший в январской и февральской книжках «Русского Вестника» за 1887 год статью-рецензию на первый том «Дарвинизма» под названием «Полное опровержение дарвинизма». А в начале мая того же года Страхов послал в «Русский Вестник» статью Данилевского «Экспрессия, или выражение чувства у человека и животных», представлявшую собой фрагмент второго тома «Дарвинизма», снабдив ее от себя кратким предисловием. Статья вышла в майском и июньском выпусках этого издания⁴³.

Как отмечал в свое время журнал «Русское Слово», «Страхов выступил на литературное поприще в то самое время, когда обаянием моды пользовались идеи Чернышевского, Добролюбова и Писарева; когда имена Дарвина, Ренана, Штрауса Фохта и Герцена произносились с благоговением, и когда религия, государственность, мораль и эстетика предавались бесшабашному поруганию»⁴⁴.

Радея о памяти Данилевского, Страхов бесстрашно выступил, и не остался без ответа. За своего английского «друга» Ч. Дарвина, от лица передовой науки, во всем блеске ученых регалий вступился ординарный профессор Императорского Московского университета ботаник Климентий Аркадьевич Тимирязев (1846–1920). Несгибаемый боец, ревнитель университетских свобод, либерал, кумир студенчества, блестящий лектор, оратор и публицист.

³⁹ Письмо Л.Н. Толстому от 8 декабря 1885 года. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 328, 329).

⁴⁰ Вдова Н.Я. Данилевского.

⁴¹ На Кавказе.

⁴² Письмо к Л.Н. Толстому от 18 июня 1886 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 331–333).

⁴³ Русский Вестник. – 1887. – С. 1–54, 493–534..

⁴⁴ Литературные изгнанники. – С. 265.

22 апреля 1887 года в Московском Политехническом институте Тимирязев выступил с публичной⁴⁵ лекцией на тему «Опровергнут ли дарвинизм?», направленной против «Дарвинизма» Данилевского и статьи Страхова «Полное опровержение дарвинизма». По свидетельству философа Н.Я. Грота, лекция была очень язвительна в отношении Страхова и Данилевского и «кончилась стоном и ревом восторга слушателей»⁴⁶.

Воодушевленный таким приемом, Тимирязев, по настоянию либеральной общественности, напечатал свою лекцию в майской и июньской книжках «Русской Мысли».

«Наконец, они говорят, – писал Страхов Толстому, но – какое оружие – публичная лекция. Нечего делать, нужно готовиться к борьбе и пошире расставить ноги»⁴⁷.

И Страхов немедленно взялся писать возражение, появившееся в ноябрьском и декабрьском выпусках «Русского Вестника» за 1887 год⁴⁸ под названием «Всегдашняя ошибка дарвинистов. По поводу статьи профессора Тимирязева “Опровергнут ли дарвинизм?”»⁴⁹.

«Сейчас нужно ехать за Русск. Мыслью, Май, где статья Тимирязева против Данилевского. И нужно вчитаться и писать опровержение. Когда так ясно, что именно следует делать, я всегда очень доволен. Лишь бы не довелось жить, «изнывая пустым призраком», как выражается П. Бакунин⁵⁰», – писал Страхов Толстому 20 мая 1887 года⁵¹.

Хроника полемики с Тимирязевым довольно подробно отражена в дальнейшей переписке Страхова с Толстым.

«В настоящую минуту, – писал Страхов Толстому в октябре–ноябре 1887 года, – я с головой погружен в свою статью “Всегдашняя ошибка дарвинистов”, возражение Тимирязеву⁵². Надеюсь, что будет недурно, но трудно следить за чужими мыслями, притом бестолковыми. Вы правы – я опять чувствую себя бодрим и готов работать без конца. <...>

Меня так захватил Тимирязев, что, как ни бьюсь, не выберу времени для обещанной работы. Пишу к сроку⁵³, в ноябрьскую книжку»⁵⁴.

«Статья против Тимирязева почти кончена и первая, большая часть уже сдана в редакцию. Сам я доволен тем, что распутал дело до конца, так что всякому желающему понять, оно будет ясно. Вот больше года я все работаю для памяти Н.Я. Данилевского; она мне очень дорога, но часто я и скучаю над работою. Вопрос, конечно, важный, и его непременно нужно поставить как следует. Но тут нет пищи для души, нет интересного для меня даже как натуралиста; спиритизм совсем другое дело, и там я был хозяином; здесь же по необходимости мне нельзя выходить из тех границ, в которых вел дело Н.Я. Данилевский. Но память о нем согревает меня; я не могу об нем подумать без умиления, и не могу читать его книгу, не восхищаясь его ясным умом.

Теперь мне еще предстоит кончить печатание нового издания «России и Европы», приложить хоть коротенькую биографию – думаю, к новому году все будет готово»⁵⁵.

«Статья моя о Тимирязеве уже большею частью набрана, и я держал уже корректуру. Она появится в ноябрьской книжке “Русского Вестника”, которая издается уже здесь. Окончание статьи, меньшая часть, будет в декабре; она почти готова, и я сяду за ее полное изготовление после этого письма. <...>

С Тимирязевым мне было тоже досадно возиться; он очень рьян, но твердости у него никакой нет; я разбил его в щепки, но, боюсь, в статье будет слышен недостаток воодушевления. Если бы не память Н.Я. Данилевского, не писал бы я о дарвинизме ни единого слова»⁵⁶.

⁴⁵ Адресованной широкой публике.

⁴⁶ Переписка Страхова с Толстым. – С. 350.

⁴⁷ Письмо Л.Н. Толстому от 25 апреля 1887 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 350).

⁴⁸ С. 66–114 и 98–129.

⁴⁹ Перепечатана в сборнике работ Н.Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе». 2-е изд. Кн. 2. – СПб., 1890.

⁵⁰ Павел Александрович Бакунин, брат известного революционера М.А. Бакунина, философ и публицист, общественный деятель.

⁵¹ Переписка Страхова с Толстым. – С. 353.

⁵² Опубликована в ноябрьском и декабрьском выпусках «Русского Вестника».

⁵³ Как указывает Б.Л. Модзалевский, под рукописью статьи стоит пометка рукой Н.Н. Страхова: 28 ноября (Переписка Страхова с Толстым. – С. 360).

⁵⁴ Переписка Страхова с Толстым. – С. 359.

⁵⁵ Письмо Л.Н. Толстому от 5 ноября 1887 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 361).

⁵⁶ Письмо к Л.Н. Толстому от 16 ноября 1887 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 363).

Здесь в полемику неожиданно для обеих ее участников вмешался академик А.С. Фаминцын, опубликовавший в февральской книге «Нового Времени» (с. 616–643) статью «Н.Я. Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским?», направленную против Страхова и Данилевского.

Страхов ответил в «Русском Вестнике» за апрель 1889 года статьей «Суждение Андр.С. Фаминцына о “Дарвинизме” Н.Я. Данилевского»⁵⁷.

«Новое издание “России и Европы” идет удивительно; в первые сорок дней было продано 500 экземпляров. Литература молчит, – это просто чудеса! – делился Страхов с Толстым в письме от 13 апреля 1889 года. – Если даже принять, что тут сказан протест против нашего умственного лакейства перед Европой, – то и то нельзя не радоваться. Не смешно ли? И Тимирязев и Фаминцын обвиняют самым серьезным образом Данилевского в *непочтительности* к Дарвину. Какое постыдное рабство! И оно всюду сквозит и дает великую силу и “Вестнику Европы” и ”Северному Вестнику” и ”Русской Мысли”. <...>

Историей с «Дарвинизмом» я вообще очень доволен. Я бы не отвечал на статью Фаминцына, если бы знал, что Тимирязев тоже ответит (в марте Р. Мысли). О, какой умный человек! Он обижается, что Фаминцын разбирает книгу, тогда как он, Тимирязев, уже все разобрал, решил и подписал. Но он справедливо доказывает, что разбор Фаминцына недостаточен. Так что стоит явная надобность, чтобы явился наконец подробный и основательный разбор книги. Но кто бы его ни писал и когда бы он ни был написан, дело кончится торжеством Данилевского, и следовательно моим»⁵⁸.

«Издание книг Н.Я. Данилевского и полемика из-за них не могли быть отложены <...>. Тимирязев разразился новою статьей против Фаминцына (меня он слишком презирает, чтобы со мною связываться), и я могу считать дело совершенно выигранным, то есть что на «Дарвинизм» обращено полное внимание нашего ученого мира и вопрос об этой книге поставлен громко.

И это, я думаю, – дело доброе. У молодых людей есть горячая жажда к знанию. Заглушить ее невозможно, да и нет нужды; нужно ее утолить и нужно разрушить этот мираж ложного знания, на который они все неудержимо бросаются, когда ничего другого не видят. Поколебать Дарвина – какой удар, какое отрезвление. Сам я не без некоторого отвращения занимался этим делом, потому, что с самого начала не нашел в Дарвине ничего питательного и, отвернувшись от него, искал других путей для понимания природы. Но Данилевский поступил правильнее и сделал нечто прочное, тогда как я остался при одних почти высокопарных замыслах. В следующих томах он хотел говорить о своих взглядах на организмы, доказывать бытие и свойства Божии; вообще он смотрел на свое сочинение, как на средство уничтожить материализм и нигилизм, и в одном из писем к Н.П. Семенову⁵⁹ говорит, что это средство будет получше греческого и латинского языка, в которых Катков видел наше спасенье от вредных учений»⁶⁰.

Однако Н.Н. Страхов немного поспешил подводить итоги дискуссии и строить литературные планы на будущее.

«Теперь же я принужден раздумывать о Тимирязеве, – писал он вскоре Толстому. – В Москве под дождем я заехал-таки в контору “Русской Мысли”, но оказалось, что июньская книжка еще не вышла. Вчера я купил ее здесь⁶¹ и прочитал еще двадцать страниц брани на себя⁶². Но в конце стоит “окончание следует”, так что в июле мне предстоит новое удовольствие! Эта часть еще хуже прежней; тут уже все спутано до непонятности»⁶³.

⁵⁷ С. 225–243. По данным Б.Л. Модзалевского, статья написана 9 марта 1889 года (на рукописи имеется соответствующая пометка, сделанная рукой Страхова). Статья перепечатана в сборнике работ Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», 2-е изд. Кн. 2. – СПб., 1890. – С. 515 – 541 (см. Переписка Страхова с Толстым. – С. 377).

⁵⁸ Переписка Страхова с Толстым. – С. 378.

⁵⁹ Николай Петрович Семенов – сенатор, друг Данилевского, которому посвящен «Дарвинизм».

⁶⁰ Письмо к Л.Н. Толстому от 18 мая 1889 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С.381, 382).

⁶¹ В Санкт-Петербурге.

⁶² Речь идет о статье К.А. Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста», напечатанной в майской, июньской и июльской книжках «Русской Мысли» и направленной против статьи Н.Н. Страхова «Всегдашняя ошибка дарвинистов» («Русский Вестник», ноябрь–декабрь 1887 года). Страхов ответил на нее статьей «Спор из-за книг Н.Я. Данилевского» («Русский Вестник», декабрь 1889 года). «Спор...» был перепечатан во 2-й книге второго издания сборника Страховских статей «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890. – С. 542–567).

⁶³ Письмо к Л.Н. Толстому от 21 июня 1889 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 384).

«Теперь нужно написать страницу или две об Аполлоне Григорьеве; 25 сентября исполнится 25 лет после его смерти.

Потом примусь за Тимирязева. Общий план ответа у меня уже составлен, и, не бранясь и не смеясь, я его допеку. Только мало у меня охоты, да и вообще писание идет тяжело, как никогда не шло. Иногда я думаю: да не пора ли и совсем перестать? А потом вспоминаю Ваши слова о том, как мало мы умеем ценить свои силы, и ободряюсь»⁶⁴.

Решающий толчок к окончанию «Тимирязевской эпопеи» дал Толстой.

«Татьяна Андреевна⁶⁵ не сдержала своего слова, – писал ему Страхов, – и передала мне Ваш совет – бросить полемику из-за Данилевского. Боюсь, что она не все сказала, что Вы ей поручали, но объясню Вам теперь, в каком положении дело. Мне оно опротивело и, к счастью, нужды в нем никакой нет, то есть уже нет, так как шум из-за книг Данилевского поднят страшный, и теперь непременно станут об них писать. <...> Со своей стороны я задумываю только маленькую статейку для заключения спора, статейку преимущественно об Тимирязеве. Кстати: в конце сентября здесь⁶⁶ будет *Съезд натуралистов*, и надеюсь, что вопрос об «Дарвинизме» будет обсуждаться на этом съезде. Во всяком случае, я совершенно спокоен, не то что при первых нападениях Соловьева и Тимирязева; поэтому, если буду писать, то напишу совершенно в кротком духе. В словах Татьяны Андреевны мне было неясно, что дурного Вы находите в продолжении этой полемики? Я сам уже каюсь в своей горячности и постараюсь загладить ее»⁶⁷.

Дальнейшая полемика ограничилась переизданиями составивших ее статей – дважды Страховым в «Борьбе с Западом» и многократно К.А. Тимирязевым в приложении к «Чарльзу Дарвину и его учению» (ср. выше).

* * *

Говорить о Страхове-философе и натурфилософе в небольшом по объему введении трудно. Эта тема заслуживает многих специальных статей, даже книги.

В философии Страхов был и во многом оставался последователем Г.В.Ф. Гегеля, учение которого усвоил в молодости из трудов самого мэтра, его непосредственных учеников, вроде Карла Розенкранца, а главное – благодаря блестящему изложению системы Гегеля в переведенном им на русский язык четвертом томе «Истории новой философии» Куно Фишера. При этом, как и первые русские гегельянцы, Страхов заимствовал у Гегеля не систему и не метод философствования, а некоторые ключевые идеи, которым дал оригинальную интерпретацию, соединив в зрелые годы с некоторыми учениями Артура Шопенгауэра и ряда других мыслителей.

Под влиянием Гегеля Страхов был ярким пантеистом. Считал целью органического развития совершенствование того, что заключено в организмах, в их духовном начале. За что и получил от Л.Н. Толстого обвинение в унижении человеческой жизни. Лев Николаевич признавал эту миссию только за человеком как существом высшего порядка. В тот же период Страхов придавал высокое значение умственному прогрессу, влиянию литературы и другим, как он выражался в зрелые годы, «подобным глупостям». Его весьма впечатлила мысль Толстого, что цель мира должна быть нравственной.

От пантеизма Страхов полностью не отказывался даже после неодобрения, выраженного ему по этому поводу боготворимым им Толстым.

«До сих пор, однако же, – писал он Толстому, – я приписываю пантеизму величайшую важность. Как прямо противохристианскому движению, которым воодушевлено все умственное [движение] развитие Запада, которое составляет душу немецкой литературы, которое дало немцам силу, недавно ими обнаруженную, и произведет еще огромные последствия. Корень пантеизма глубок неизмеримо. Нам неизвестна другая наука, кроме науки пантеистической. Все привычки нашего ума сложились в этом направлении <...>.

Мне было бы очень трудно, если бы я вздумал Вам рассказывать разные зачатки мыслей, которые у меня бродят <...>. В статье о Дарвине⁶⁸ и о Парижской коммуне я уже отрекся от Гегеля, уже отрицаю тот непереносимый, строго законный прогресс, который он находит в умственном движении человечества, отрицаю и то, что ум руководит историей, что она есть развитие идей.

⁶⁴ Письмо к Л.Н. Толстому от 16 сентября 1889 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 392, 393).

⁶⁵ Кузминская, сестра жены Толстого Софьи Андреевны.

⁶⁶ В Санкт-Петербурге.

⁶⁷ Письмо к Л.Н. Толстому от 27 сентября 1889 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С.393, 394).

⁶⁸ Перепечатана в настоящем издании.

Мне хотелось бы, однако, спуститься до корня и взяться за *теорию познания*, в которой, мне кажется, уже заключена вся сущность дела.

За *дух* Вы меня напрасно упрекаете; я употребил это слово только как *известное название* того, о чем хочу говорить, а не в смысле признания особой сущности. По смыслу всей книги мир есть нечто цельное, то есть все его явления вытекают из одной сущности. Все существующее я одинаково признаю проявлением духа. <...>

Ваша идиосинкразия к Гегелю – необыкновенно характерна, но я понимаю вообще только ее возможность, а объяснить ее себе не могу. Почти зависть берет меня, когда подумаю, что есть такие же характерные люди, как Вы. – А мне – ничего не претит, все проглочу и произвожу – чуть ли не один навоз»⁶⁹.

Морально-этические взгляды Страхова носят высокогуманный, милосердный характер, соединяя христианское влияние с примесью идей позднего стоицизма.

«Строгих судей, напряженных идеалистов очень много на свете. Еще больше людей, <...> ищущих и находящих только то, что благочестивые люди иронически назвали *благами жизни*. Но люди с Вашим взглядом – величайшая редкость. Вы для меня похожи на благодушнейшего христианского монаха, у которого прощения и снисхождения столько же, сколько и самых высоких и строгих требований. И вот черта, на которой я хочу остановиться. Нравственные правила не должны быть жестоки: они должны быть милосердны. Это следует уже из того, что нравственность должна существовать *для всех*, а люди большей частью слабы и ограничены.

Из трех вопросов, которые указывает Кант в «Критике чистого разума»: 1) что я могу знать? 2) что я должен делать? 3) чего мне следует надеяться? – я считаю самым важным второй. Как бы ни были решены первый и третий, и хотя бы я не умел их решить, на второй я должен ответить сейчас же, он один неотложен и существенно необходим. Скажу Вам прямо, что таково именно мое душевное настроение, то есть что я стал очень равнодушен к познанию и к вопросу о будущности души. Я, кажется, легко бы отказался от желания ясных ответов на этот вопрос, если бы только мне было твердо указано, что делать, – в переводе на христианский язык: как спасти свою душу.

Но посмотрите, какой это страшный вопрос. Кто и когда может иметь на него полный ответ? Я разумею при этом ответ, который бы определял и *деятельное* отношение к жизни. В самом деле, для *пассивного* отношения к жизни, мы еще имеем ответы; но не деятельного. Если я подчиняюсь своей натуре и обстоятельствам, то может мне достаточно правила: *избегай зла*, будь добр и честен. Но если я считаю своей обязанностью не только воздерживаться, но и действовать, то есть работать над собственной натурой и вмешиваться в дела других, в ход обстоятельств, то передо мной возникают задачи бесконечные, неодолимые. Отшельник, ежеминутно думающий о подвигах, политик, без устали работающий для прогресса и своей партии – вот люди деятельного долга, которые знают, *что они должны делать*. Но ведь это фанатическая борьба с самим собою, или с ходом всемирной истории; это задача отрицательная, восстание против каких-то сил, не от нас зависящих. Что это за силы? Как с ними бороться? И могу ли я их победить? Вообще говоря, конечно, не могу. Если же так, то мне остается как-нибудь *принять* их. Мне нужно научиться *не делать* свою жизнь, а как-нибудь принимать ту, которая мне дается. Я должен покориться неведомому мне творчеству»⁷⁰.

Последовательный рационализм привел к расхождению Страхова не только с христианством, но и с другими великими историческими религиями. Бог Страхова – непознаваемый, апофатический, «разлитый в мире». Столпы немецкого идеализма – Фихте, Шеллинг и, в особенности, Гегель – мистики. Подлинная религия, религия в самом глубоком смысле – это мистика, причем мистика личная, а не коллективная.

«Христианство все в себе совместило – и буддизм, и иудейство, и язычество; оно отозвалось на все запросы сердца, – зато понимать его уже вовсе невозможно. Как мне горько иногда, что воспитанный на евангелии⁷¹, я теперь не могу читать его с ясной мыслью. Буддизм или магометанство понятнее – Вы сами это знаете»⁷².

⁶⁹ Письмо к Л.Н. Толстому от 8 января 1873 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 22, 23).

⁷⁰ Письмо к Л.Н. Толстому от 16 ноября 1875 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 69, 70).

⁷¹ Так в оригинальном издании 1914 года, со строчной буквы.

⁷² Письмо к Л.Н. Толстому от 3 февраля 1878 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 148).

«У одного Гегеля нельзя было различить двух периодов⁷³: слишком цельный был ум; но его вообще рассматривают как пантеиста чуть ли не в материалистическом духе, тогда как он есть чистейший мистик и совпадает с Баадером, Мейстером Экгардом, Ангелом Силезским⁷⁴ и т.п. Это одно из самых удивительных и самых ясных явлений: все эти философы приходили к самой чистой форме религии и проповедовали эту форму. Эта проповедь осталась бесплодной, не нашла никакого отзыва и почти не упоминается в истории философии. Я давно ношусь с мыслью написать эти свои сближения, например показать, что Гегель и Спиноза были мистики и что мистика есть нечто не смутное и неопределенное, как всегда понимают, а напротив самое ясное и чистое, так что к ней приходит всякое строгое мышление <...>».

Мистика есть не что иное, как *чистая религия*, и это видно по двум ее признакам: во-первых, для мистиков все религии равны между собою, то есть они признают, что в каждой из них человек может придти в соединение с Богом; во-вторых, для мистиков обряды и всякая внешность не имеет важности, почему господствующие церкви всегда видели здесь нечестие и гнали мистиков, сами же мистики не хотели даже покинуть свою церковь: они уважали в ней внутреннее, а она требовала, чтобы они уважали внешнее. От Платона и до Гегеля я нахожу у философов то же стремление, как у мистиков, и никто так часто прямо на них не ссылается, как Гегель. Весь вопрос поэтому: отчего же происходит недоразумение, непонимание. Шопенгауэр хорошо отвечал: потому что ум заправляется волею, нашими желаниями. Религии нельзя научиться, ее можно только выжить, приобрести жизнью. А человеческий ум так загроможден своими собственными построениями, что немецкие философы, как ни работали, не пробивались сквозь них, да, кажется, сами же подбавили новых построений»⁷⁵.

* * *

Эволюционистская натурфилософия и естественнонаучная методология Страхова являются наименее изученными сторонами его философского творчества⁷⁶. Продолжая стоять на гегелевской платформе, Страхов был *универсальным эволюционистом* и пропагандистом научного идеала *рационального естествознания*.

Эволюционная концепция Страхова наиболее полно изложена в его обширном труде «Мир как целое. Черты из науки о природе» (1885 г.; 2-е изд. – 1892 г.)⁷⁷. Ниже мы коснемся лишь органической эволюции.

По убеждению Страхова, дарвинизм – отнюдь не успех в современной ему науке об организмах, а напротив – отклонение от прямого пути. «И сколько бы любопытных частных не собрали натуралисты на этой отводящей в сторону дороге, рано или поздно им придется вернуться к правильным путям исследования и приняться снова за великий труд, которого они думали избежать. Они должны будут продолжать морфологическое исследование организмов, то есть приводить к большему и большему совершенству *естественную систему* животных и растений, а также разработать *гомологию* всех их органов и, наконец, *сравнительную историю развития* и целых организмов, и каждого их органа. В настоящее время, при господстве дарвинизма, натуралисты не видят верховного значения этих исследований и пренебрегают ими. Вообразим себе какой-нибудь ряд форм, последовательно идущий в известном направлении. Дарвинист совершенно довольствуется тем, что убедился в связи первой из этих форм с последней, да притом довольствуется самым общим и поверхностным понятием об этой связи. Точное определение переходов и ступеней его мало занимает, потому что он предполагает здесь одну беспорядочную игру случайностей. Между тем, для правильно смотрящего на дело каждая ступень здесь есть проявление зиждительного начала, строящего органические формы; следовательно, всякий такой ряд форм полон глубочайшей поучительности во всех своих частностях. Точно так же положим, что мы нашли употребление какого-либо органа, значение известной части для известного целого. Для дарвиниста это – случайная целесообразность, не имеющая отношения к внутреннему развитию организма; истинный же телеолог видит здесь то, как организм стремится

⁷³ Философского творчества.

⁷⁴ Ф. фон Баадер, Майстер Экхардт, Ангелус Силезиус – знаменитые немецкие мистики.

⁷⁵ Письмо к Л.Н. Толстому, октябрь–ноябрь 1887 г. (Переписка Страхова с Толстым. – С. 358).

⁷⁶ Одна из немногих обстоятельных статей, посвященных этому предмету: Ильин И.П. Последняя тайна природы. О книге «Мир как целое» и ее авторе // Н.Н. Страхов. Мир как целое. Черты из науки о природе. – М.: Айрис-пресс, Айрис-Дидактика, 2007. – С. 5–62.

⁷⁷ Ниже этот труд цитируется по доступному современному переизданию: Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. – М.: Айрис-Пресс, Айрис-Дидактика, 2007. – 576 с. (Далее – Мир как целое.)

осуществить свою общую цель, видит ответ самостроящегося существа на внешние возбуждения и обстоятельства. Таким образом, изучение целесообразностей становится изучением органического творчества, ведет нас к пониманию его средств, законов и сущности»⁷⁸.

Развитие живого, организмов носит немеханический характер. «Развитие организмов представляет постепенное *совершенствование*. Другими словами, развитие есть ход вперед, к лучшему, а не простая смена состояний.

Вот главный закон, по которому развиваются организмы и которому не следуют тела неорганические. <...>

Организмы <...> представляют собой явное совершенствование. Если вы возьмете геологический порядок или еще лучше – систематическое их расположение, то никто не решится отрицать, что в ряду: *растения, животные, человек* – животные выше растений, а человек выше животных. Точно так же в каждом отдельном животном совершенствование есть дело очевидное. Вначале, когда человек еще во чреве матери, он почти не выше растения; в первое время жизни он не выше животного; и только развиваясь далее, становится человеком, царем природы.

<...> Растения, столь тесно примыкающие к животным, представляют то же явление»⁷⁹.

Нетрудно узнать в этом положении эволюционной концепции Страхова Ламарковский *закон градации*, но в принципиально иной, чем у Ж.Б. Ламарка, идеалистической трактовке.

Эволюция организмов по Страхову есть *чистый эндогенез и автогенез*. Доказывая это, он ссылаясь, с одной стороны, на закон причинности, а с другой – на данные современной ему биологии и палеонтологии.

По мысли Страхова, совершенствование организмов нельзя объяснить законом причинности.

«Явление следует необходимо из своей причины; вот все, что заключается в понятии причины. Какое явление произойдет, лучшее или худшее, все равно, закон причинности этого не определяет. Перед ним все явления равны, потому что все равно необходимы, а больше он ничего не говорит об них и ничего не может сказать.

Поэтому, какие бы причины ни действовали на организм, мы не можем найти в них никакого основания, почему бы от их действий организм совершенствовался. А сказать, что какой-нибудь предмет сам себя изменяет, что явление *само себя производит*, – значит вывести это явление из-под закона причинности. В самом деле, здесь причина и действие не различаются, здесь они тождественны. <...>

Представьте себе геологическую историю организмов. Появление их на земле, которым обыкновенно так затрудняются натуралисты, есть только первый факт этой миллионнолетней истории, но она вся, на всем своем безмерном протяжении, состоит из фактов столько же удивительных, столь же мало понятных. В самом деле, как бы мы ни представляли эту последовательную смену организмов, мы ничем не можем объяснить себе их постепенного совершенствования, их постепенного восхождения к высочайшему организму – к человеку.

Внешние явления здесь ничего не объясняют. Нельзя приписать совершенствование организмов действию кислорода, воды, теплоты и т.п. В кислороде, воде, теплоте и пр. нет и не может быть ничего такого, почему бы действие их должно было производить совершенствование чего бы то ни было, действие их неизменно и слепо.

Перемены, которые претерпел Земной шар, не были нарочно произведены так, чтобы следствием их было совершенствование организмов, эти перемены произошли по слепой необходимости. При действии внешних влияний организмы могли усовершеншаться, могли и падать, – могли вырождаться и вовсе исчезать. Следовательно, мы должны приписать самим организмам стремление переходить в высшие формы. Внешние влияния могли их изменять, но не в этих изменениях состоит сущность их истории; переход в высшие формы – вот главное, и этот переход зависел от них самих.

Собственно говоря, при том понятии об организмах, которое ныне распространено у натуралистов, геологические перевороты не только не могут объяснить совершенствование организмов, но даже прямо не согласны с этим понятием. Обыкновенно говорят: организм устроен совершенно сообразно с теми условиями, в которых живет; поставьте его в другие условия, – организм слабеет, расстраивается, умирает. С такой точки зрения всякая перемена, совершавшаяся с Земным шаром, должна была неминуемо вести к вырождению, изуродованию и уничтожению организмов, а не к высшему их развитию. Следовательно, понимать таким образом организмы совершенно несправедливо. Им ну-

⁷⁸ Мир как целое. – С. 74, 75.

⁷⁹ Там же. – С. 143, 144.

жно приписать способность не только приспособляться к новым условиям, но даже совершенствоваться, *несмотря* на условия, независимо от внешних влияний»⁸⁰.

Спрашивается, продолжает Страхов, где же можно найти причины, по которой одна форма жизни переходит в другую? И отвечает: они заключаются в самом организме, а не во внешних обстоятельствах. «Сама жизнь есть не что-либо постоянное, определенное, но именно стремление, именно способность существа отречься от самого себя, чтобы перейти в новое, лучшее»⁸¹.

Это опять же напоминает Ламарковское стремление к совершенствованию, но без его материалистической подоплеки.

Страхов много размышлял об эволюционном значении смерти, в особенности высших организмов и человека.

Организмы, а значит и таксоны естественной системы Страхов рассматривал как беспрерывно изменяющиеся, не как тела или неизменные единства, а скорее как процессы.

«В организме мы не должны предполагать ничего постоянного: в нем все течет, все преобразуется. Не только изменяется вещество, из которого он состоит, не только нет в нем неизменно присущей силы, но и самая форма тела, и самые явления, в нем происходящие, подвержены беспрерывному изменению.

Итак, организмы должны быть понимаемы, как предметы существенно *временные*, то есть не как тела, но, скорее, как процессы. Притом они суть процессы изменяющиеся, и, по тому самому, они ограничены во времени, имеют начало и конец»⁸².

По учению Страхова, «существенная, главная черта организмов состоит в том, что каждый организм имеет *эпоху зрелости*, зрелый возраст. Эту эпоху можно назвать центром жизни во времени, центральной частью жизни, точно так же как в пространстве центральной частью животного мы называем нервную систему»⁸³.

Смерть – следствие органического развития и вытекает из самого понятия о таком развитии. Если бы организм мог совершенствоваться без конца – он никогда не достигал бы зрелого возраста и полного развития. Если бы он, с другой стороны, зрелости достигал и прекращал совершенствоваться – его развитие останавливалось бы, сменялось повторяющимися явлениями.

Смерть – одно из совершенств организма. «Смерть, – образно писал Страхов, – это финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособляется и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни»⁸⁴.

Филогеронтистский потенциал этих идей очевиден.

Неотъемлемой составной частью эволюционной концепции Страхова было представление о том, что свойства вещей сообразны определенным целям, то есть в организмах действует телеологическое начало. Причем эта целесообразность не утилитарная, как у дарвинистов, а *эстетическая*, неразрывно связанная с совершенством, красотой и гармонией.

Исходный пункт такого взгляда Страхов считал очевидным и фактически постулировал.

«Начало телеологии, – писал он, – непоколебимо, потому что оно ясно само собой; в простейшей форме оно тождественно с таким положением: *существовать может только то, что не заключает в себе противоречия*.

Кант и Гегель довели этот вопрос до окончательного разрешения. Они различают внешнюю и внутреннюю телеологию. Внешняя телеология ищет целей, которые лежат вне самих предметов, для которых в самих предметах нет никакого определения; такие цели будут всегда неопределенные, относительные, условные. Внутренняя же телеология стремится найти цели, которые лежат в самих предметах, вытекающие из самой их природы; такие цели всегда определенные, существенные, необходимые. Закон этой телеологии может быть выражен так: *в каждом существе необходимо должно быть все, что следует из понятия этого существа*. <...>

В понятие животного входит понятие самодвижущегося предмета. Следовательно, если мы будем строго выводить следствия, вытекающие из понятия самодвижения, то мы, в известном отношении, построим животное. <...>

⁸⁰ Мир как целое. – С. 157, 158.

⁸¹ Там же. – С. 158, 159.

⁸² Там же. – С.165.

⁸³ Там же. – С. 172.

⁸⁴ Там же. – С.169.

Если даже мы будем делать опытные исследования, то не должны забывать, что они должны привести нас к той же внутренней телеологии, потому что каждый факт, каждое явление предмета только тогда получают полное объяснение, когда мы видим, наконец, что они вытекают из самого понятия о предмете, так что и опытные, и теоретические исследования имеют одну цель и совпадают в результатах. <...>

Форма вещей вытекает из их содержания, следовательно, для того чтобы найти содержание, мы можем исследовать форму и отыскивать содержание, которое ей соответствует. <...> Каково же содержание, до которого мы успели дойти в организмах? Постепенно *усиливающееся взаимодействие с внешним миром*⁸⁵.

Эволюция идет скачками. Разграничения, существующие в ряду живых существ, «суть незабываемые факты». «Если и можно принять переход одной формы в другую, то переход этот должен быть настоящим превращением, то есть происходить быстро, скачком, подобно тому, как твердый кусок льда при таянии не размягчается постепенно, а переходит прямо в жидкую воду»⁸⁶.

Итак, органическая эволюция по Страхову – неотъемлемая часть процесса исторического развития мирового целого. Развития скачками, направляемого целевыми причинами, стремлением к совершенству, красоте и гармонии. Этот процесс является закономерным и направленным.

Известный отечественный историк и теоретик биологии Ю.В. Чайковский связывает имя Страхова с «возвратом к идее эволюции мира»⁸⁷. С этим нельзя не согласиться, но, думается, здесь нужны некоторые разъяснения и уточнения. В контексте истории гегельянства, в том числе в России, место Страхова поистине уникально – он едва ли не единственный, кто с такой полнотой и последовательностью попытался «перекинуть мостик» между основными представлениями философии Гегеля и естествознанием своего времени. Диалектический метод Гегеля принимает у Страхова оригинальную форму методологии рационального естествознания.

В истории русского эволюционизма Страхов стоит у истоков направления, связанного с именами К.М. Бэра и Н.Я. Данилевского, к сожалению, заглушенного уже на ранних этапах пышно расцветшими на почве материалистической реакции 1860-х годов семенами классического дарвинизма. Причем именно Страхов в 1870–1890-х годах, а не Данилевский, глубже других рассмотрел и привлек внимание к этому кругу идей, впоследствии развивавшихся Л.С. Бергом, А.А. Любищевым и другими отечественными эволюционистами недарвиновского толка.

Редколлегия

⁸⁵ Мир как целое. – С. 193, 194.

⁸⁶ См. статью Н.Н. Страхова «О методе наук наблюдательных» в настоящем издании, с. 72.

⁸⁷ Чайковский Ю.В. Эволюция как идея. – М.: Тов-во научн. изд. КМК, 2017. – С. 156.